

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1198-1207, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (479)

The Protest Movement in the North Caucasus in the second half of XIX – the beginning of XX centuries: Causes, Character, Significance

Amiran T. Urushadze ^{a, b}, Evgeniy F. Krinko ^{a, c*}, Diana D. Chelpanova ^{a, c}, Alexei A. Iosko ^b

^a Institute of Social-Economic research and humanities of Southern Scientific Center of Russian academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^c Southern Scientific Center of Russian academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the protest movement in the North Caucasus in second half of XIX – the beginning of XX centuries. The article is the first of planned by authors cycle of articles about the protest movement in the North Caucasus during the second half of the XIX century to early XXI century. The article based on analysis of published and archival evidence highlighted the reasons for the uprisings, and their character and significance. The frame of archival material were documents of central state archive of Kabardino-Balkarian Republic and the Archive of the Kabardino-Balkarian Institute of humanitarian researches. The main catalysts for the protests on the southern outskirts of the Russian Empire were the inertia of the Caucasian war, the large-scale legal and administrative innovations, unreasonable actions of the crown authorities. The article describes the largest rebellion of the highlanders in this period, which allows us to trace the peculiarities of the various stages of the protest movement in the North Caucasus. The insurrections of the 1860s became the reaction of traditional mountain societies on the Imperial upgrades.

The indignation of the indigenous population caused the increase of taxes, which threatened completely to upset the already undermined by years of war economy of highlanders. The forced resettlement of highlanders to the plains by the Russian authorities pushed the mountaineers to the rebellion. The role of a fuse played the numerous rumors about the impending mass baptism of the highlanders and turn them into Cossacks. But the most important that the indigenous population did not trust the Russian legal and administrative institutions, did not believe in their fairness and impartiality. The uprising of 1877 was the last attempt to stop the spread of Russian sovereignty in the North Caucasus. The uprising tried to copy the state structure of the Imamate of Shamil, to restore the old titles and forms of government but it has not had much success. The pre-revolutionary period is associated with a system of political and administrative crisis of the Empire and the evolution of *abrechestva*, which has led to the emergence of the phenomenon of “professional robbery” in the Caucasus.

Keywords: social protest, abrechestvo, popular uprisings, First Russian revolution (1905–1907), North Caucasus.

1. Введение

Северный Кавказ на протяжении длительного времени имеет устойчивую репутацию едва ли не самого конфликтного и проблематичного региона России. Однако эта негативная оценка, найдя отражение не только в массовом сознании, но и в соответствующих публицистических штампах и историографических стереотипах, редко подкрепляется обстоятельными научными трудами. Как правило, внимание исследователей сконцентрировано на отдельных протестных акциях или

* Corresponding author

E-mail addresses: urushadze85@mail.ru (A.T. Urushadze), krinko@ssc-ras.ru (E.F. Krinko), chelpanchic@gmail.com (D.D. Chelpanova), aleksey.iosko@mail.ru (A.A. Iosko)

движениях, а немногочисленные попытки обобщения нередко приобретают политизированный характер. Осмысление самой динамики протестов на Северном Кавказе после его вхождения в состав Российской империи представляется достаточно актуальной и перспективной исследовательской задачей, позволяющей выйти на принципиально новый уровень осмысления рассматриваемой проблемы.

2. Материалы и методы

Протесты выступают предметом изучения представителей различных социальных и гуманитарных наук, рассматривающих, наряду с историческими, политические, социальные, психологические, экономические, юридические аспекты проблемы. Уже само многообразие видов и форм протестов обуславливает различия в подходах к их объяснению (Внукова, Челпанова, 2014: 89–98; Дементьева, 2013: 83–94 и др.). Часть авторов видит в протестах социально-психологический феномен, связывая их с иррациональной природой коллективного поведения, психологией массы и толпы (Г. Лебон, Г. Тард). Другие объясняют возникновение протестов социальными условиями, вызывающими общественное недовольство (Н. Смелзер), выводят их из чувства депривации, вызванного лишением индивида или группы возможности распоряжаться каким-либо желаемым объектом – властью, социальным статусом, экономическими ресурсами и т.д. (Р. Мертон). Сторонники структурно-функционального анализа находят в протестах дисфункцию социальной системы (Т. Парсонс). Согласно марксистскому подходу, развитие общества неизбежно сопровождается классовыми конфликтами, порожденными противоречиями в развитии социально-экономических отношений. Высшей их формой считается социальная революция, как насильственный способ слома старого строя.

В рамках данного исследования протесты рассматриваются как реакция общества на внешние и внутренние вызовы, что позволяет отказаться от «демонизации» российской политики на Северном Кавказе и его народов. С учетом широких хронологических рамок главное внимание уделяется наиболее крупным протестам радикального характера. Основными источниками выступают как опубликованные материалы, так и документы, выявленные в фондах Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики и Архива Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

3. Обсуждение

В российской общественной мысли XIX в. сложился ориентализированный образ Кавказа и его жителей, согласно которому насилие составляло основную «родовую» черту края. В этом отношении показательны слова выдающегося кавказоведа П.К. Услара: «В эпоху романтизма и природа, и люди на Кавказе были непонятны. Нельзя было фантазировать насчет природы, — тотчас нашлись бы ученые, которые уличили бы в несообразностях. Но ничто не мешало фантазировать, сколько душе угодно, насчет людей. Горцы не читают русских книг и не пишут на них опровержений. Горцы, которые в те блаженные времена учились чему-нибудь и как-нибудь в Петербурге, — сами всячески подделывались под Амалат-беков, Казбичей и т.п. В таком маскарадном виде только и могли они казаться интересными, — иначе что же могло быть интересного в этих недоучившихся кадетах? Горцев не могли мы представить себе иначе, как в виде людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то в роде воспаления в мозгу, — людей режущих на право и на лево, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся. И было время, когда эти неистовые чада нашей поэтической фантазии приводили в восторг часть русской читающей публики!» (Услар, 1868: 4–5). Этот упрощенный взгляд на южную окраину империи стал мишенью для критики нескольких поколений кавказоведов в дореволюционный период. До сих пор не потеряли своего значения работы М.М. Ковалевского о социальном строе и быте народов Кавказа, несмотря на то, что он преувеличивал значение родовых форм организации кавказских социумов (Ковалевский, 2012).

В советской историографии изучение революционного движения относилось к наиболее широко разрабатываемым исследовательским направлениям и. Опираясь на марксистские принципы, советские историки положительно оценивали революционное движение в Российской империи, в том числе и на Северном Кавказе, нередко преувеличивая его значение. При этом «точками сборки» истории протестного движения в советской историографии становились предреволюционные периоды. Целый ряд работ был посвящен вопросам развития отдельных горских народов и регионов накануне Первой русской революции 1905–1907 гг. и Российской революции 1917 г. (Хасбулатов, 1963; Гриценко, 1972 и др.). Другие этапы в истории протестной активности не получили систематического изучения.

Постсоветский этап развития исторических представлений отмечен появлением работы М.М. Гасанова, в которой был предложен исторический анализ восстаний народов Дагестана в 1860–1870-е гг. (Гасанов, 1997). Богатый эмпирический материал был концептуализирован в рамках традиционной для советской исторической школы теоретической парадигмы.

В современных исследованиях и документальных публикациях в научный оборот вводятся новые сведения о протестных движениях на Северном Кавказе (Восстания, 2001; Клычников, Линец, 2006; Вайнахи, 2011; Хлынина и др., 2012; Матвеев, 2015 и др.). Развитие конфликтного потенциала

региона показано как явление, детерминированное природными особенностями края (горные и высокогорные районы, выступавшими в качестве «изолятов» многих обществ) и императивами традиционного общества (обычай кровомщения) (Гатагова, 2016). Предметом специального изучения стало абречество как социальный феномен (Бобровников, 2002; Ботяков, 2004). Однако в целом история социальных протестов на Северном Кавказе в имперский период представляется недостаточно изученной.

4. Результаты

После Кавказской войны немногочисленные акты протеста были обусловлены формированием новой, непривычной для горцев системы управления и суда, нарушавшей их традиционный быт и уклад жизни, а также проведением крестьянской реформы и злоупотреблениями местного начальства. Сказывалась и инерция минувшей Кавказской войны, в ходе которой многие горцы привыкли видеть в российских институтах враждебную силу (Гатагова, 2016: 165).

Российские военные и гражданские администраторы, участники событий Кавказской войны по-разному оценивали перспективы «окончательного замирения» края. Слова героя одного из «кавказских» фельетонов В.А. Соллогуба: «Кавказ теперь та же Россия, только не с гладкой, а с взъерошенной поверхностью» (Кавказ, 1854), – часто воспринимались уже не как литературная метафора, а как признание нового положения на южной окраине империи Романовых. С другой стороны, прощавшийся с дворцом наместника в Тифлисе А.И. Бяратинский писал в декабре 1862 г. великому князю Михаилу Николаевичу, вступавшему в права кавказского наместника: «Нет сомнения, что вытесняемый неприятель будет защищаться с упорным ожесточением...» (Муханов, 2007: 340).

Опасения пессимистов оказались реальнее надежд оптимистов. Уже весной 1860 г. заволновалась только что покоренная Чечня. Восстание было вызвано намерениями коронной администрации переселить жителей селений Беной и Аргун из лесистой местности на равнину. Во главе восставших встал Байсангур, который, по некоторым данным, был беноевским наибом имама Шамиля (Тахнаева, 2015: 67–75). Русские войска быстро рассеяли восставших. Но на этом вооруженное сопротивление не закончилось. Повстанцы перешли к партизанским действиям. В феврале 1861 г. Байсангур все же был схвачен. Вскоре военно-полевой суд приговорил Байсангура к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение в Хасав-Юрте. Однако надежды российской администрации на то, что со смертью Байсангура Чечня замирится, не оправдались. Дело беноевского наиба продолжили другие вожаки – Атабай, действовавший в Малой Чечне, и Умадуй (Ума Дуев), возглавивший аргунцев (Гатагова, 2016: 170). Отряды Атабая и Умадуя повели партизанскую войну на территории Терской области. Они регулярно совершали нападения на казачьи станицы, угоняли скот. Локализовать восстание имперской администрации удалось только в конце 1861 г., после того как его лидеры сдались властям. Атабай и Умадуй избежали смертной казни благодаря заступничеству начальника Терской области Д.И. Святополка-Мирского, который обратил внимание императора на то, что вожаки восставших добровольно сложили оружие, выйдя с повинной. Александр II повелел сослать обоих в отдаленные от Кавказа губернии Российской империи.

Тревожным было положение и в Дагестане. Здесь, параллельно с событиями в Чечне, развернулось восстание андийского вольного общества и движение сельских общин Ункратля. Андийцы вынудили отступить местные коронные войска. И только после прибытия сильного подкрепления из Темир-Хан-Шуры начальство Андийского округа сумело сломить сопротивление восставших. Восстание в Ункратле превосходило числом участников и масштабами выступление жителей Анди. Оно началось в январе 1861 г. Лидером антиимперского сопротивления ункратлинцев стал житель селения Хварши Каракуль-Магома. Под его началом восставшие совершили несколько успешных военных походов в Кахетию и Западный Дагестан, дойдя до Ботлиха и атаковав несколько рот Куринского пехотного полка (История Дагестана, 1968: 144). Весной 1861 г. восставшие были окружены. Отсутствие боеприпасов и продовольствия вынудили большую часть сторонников Каракуль-Магомы сложить оружие. Но сам он с ближайшими сподвижниками продолжил сопротивление. В 1862 г. жители Ункратля снова восстали, однако в этот раз имперские власти быстро замирили непокорных.

Восстания 1860–1861 гг. были подавлены, но недовольство новой властью осталось. Относительное затишье продолжалось не более двух лет. Уже в 1863 г. восстал Закавказский округ. Слухи о новом мятеже быстро распространились среди населения Чечни и Дагестана. Беспорядки вновь охватили округа Терской и Дагестанской областей. Вторично восстал Андийский округ, жителей которого поддержало Гумбетовское общество. Повстанцы действовали разрозненно, что позволило официальным властям быстро подавить выступления.

И вновь передышка для российских властей была очень короткой. В 1866 г. произошло крупное восстание в Кайтаго-Табасаранском округе Дагестанской области. Жители отказались выплачивать подъемную подать, а кроме того были возмущены отводом общинной земли под строительство двух крепостей для гарнизонов. Борьбу с восставшими возглавил лично начальник Дагестанской области Л.И. Меликов. Первую волну восстания коронным властям удалось «сбить», но мятеж перекинулся на

селение Маджалис. Здесь горцы были недовольны ликвидацией священной власти кайтагских уцмиев, род которых относили к сейидам – потомкам пророка Мухаммеда ([Северный Кавказ, 2007: 139](#)). Восстание грозило перерасти масштаб Дагестанской области и охватить весь Кавказ. Но после того как был убит руководитель восстания Суттай, коронная администрация смогла задавить выступление силой. Семь лидеров восстания были повешены, более 200 семейств отправлены в сибирскую ссылку ([История Дагестана, 1968: 148](#)). События в Кайтаго-Табасаранском округе нашли свое продолжение в движении горцев Аварского округа. Здесь во главе выступления встал племянник имама Шамиля – Габизат-Магома. Ему удалось собрать ополчение из нескольких селений – Эрпели, Каранай, Унцукуль, Ашилгта. Но накануне восстания его руководители были схвачены по доносу сельских старост, оставшихся верными российской администрации.

Ряд радикальных протестных выступлений на территории Дагестанской области в 1860-х гг. замыкает третье восстание в Ункратле, случившееся в 1871 г. Его причиной послужил служебный произвол начальника Ункратлинского участка наиба Хаджиява Каратинского. Задержав группу горцев, он обвинил их в контрабандной торговле. Горцы были заключены в тюрьму, где некоторые из них умерли. Родственники и односельчане умерших отомстили наибу. Его дом в результате нападения был сожжен, а сам он зарублен. Отряд милиции, посланный для наведения порядка в Ункратлинском участке, был разбит восставшими. Только после прибытия регулярных войск восстание удалось подавить. Участники выступления были высланы, а их дома разрушены ([Северный Кавказ, 2007: 139–140](#)).

На Северо-Западном Кавказе крупных восстаний не происходило. Значительная часть местного населения на заключительном этапе Кавказской войны была выселена в Турцию. Оставшиеся горцы находились под плотной опекой властей. Но и здесь имели место выступления недовольного населения. Показательным примером является быстро подавленное властями восстание в ауле Ходзь Лабинского отдела Кубанской области в апреле 1868 г., в котором объединились землевладельцы и крестьяне, несмотря на противоречия их интересов.

Многочисленные протестные движения местного населения в 1860-х гг. были вызваны целым комплексом обстоятельств. Горцы с трудом адаптировались к новой системе административного управления и правового регулирования, которые приходили на смену старым механизмам и институтам, освященным многовековой традицией. Возмущение вызывал рост налогов, грозивший окончательно расстроить и без того подорванное многолетней войной хозяйство горца. К восстанию местное население толкали широко практиковавшиеся российскими властями принудительные переселения горцев на равнину. Роль запала играли и многочисленные слухи о готовящемся массовом крещении горцев и обращении их в казаков. Но самое важное, что коренное население не доверяло российским административно-правовым институтам, не верило в их справедливость и беспристрастность. Одним из многочисленных примеров такого отношения являются события 23 октября 1866 г. в Терской области. В этот день несколько десятков кабардинцев с тягловым скотом отправились за дровами в малокабардинский общественный лес, дорога к которому проходила через земли осетин из аула Эльхот. На обратном пути кабардинцев настигли несколько осетин, потребовавших отдать им быков за потраву травы на принадлежавших им землях. Кабардинцы отказались. После этого более 60 осетин перегородили дорогу кабардинцам, требуя быков за причиненный ущерб. Завязалась массовая драка, приведшая к жертвам с обеих сторон ([ЦГА КБР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 326. Л. 2](#)). Это показывает, что коренное население российского Северного Кавказа предпочитало обходить стороной имперские суды, нередко вставая на путь насилия, как единственный способ защитить свои интересы.

Отдельным сюжетом в истории протестного движения на Северном Кавказе второй половины XIX – начала XX вв. является мусульманское сопротивление. Российские власти видели главную угрозу для южной окраины империи в шариате и суфизме. Репрессии администрации обрушивались на представителей различных течений внутри суфизма. По этой причине среди противников официальных властей оказался и шейх братства Кадирия Кунта-Хаджи, который еще в ходе Кавказской войны призывал горцев к смирению и осуждал насилие. За эти призывы Кунта-Хаджи преследовался Шамилем и оказался вынужден в 1858 г. покинуть Кавказ. Вернувшись на родину в 1861 г. он продолжил проповедь своих убеждений. Число сторонников Кунта-Хаджи быстро достигло 5 тыс. человек. Растущая популярность шейха все больше беспокоила российские власти, которым всюду виделся призрак «мусульманского фанатизма». В начале 1864 г. Кунта-Хаджи был арестован и выслан в Новгородскую губернию, где вскоре скончался (1867 г.). Сподвижники шейха попытались добиться его освобождения, собравшись в январе 1864 г. в Шали. Имперская администрация не собиралась вступать в переговоры. Войскам был дан приказ разогнать собравшихся. В «шалинском деле» (в чеченской историографии это событие известно как «кинжальный бой») было убито по разным оценкам от 160 до 500 последователей Кунта-Хаджи ([Северный Кавказ, 2007: 141](#)). Арест почитаемого шейха и жестокая расправа с его мюридами спровоцировали целую серию выступлений и бунтов. В их подавлении участвовали регулярные части Кавказской армии, зачинщики отправлялись в сибирскую ссылку, а на провинившиеся общества накладывались контрибуции.

Протестное движение 1860-х гг. в крае было массовым и почти повсеместным. Но еще более серьезным испытанием для кавказской администрации стало вспыхнувшее в связи с началом Русско-

турецкой войны в 1877 г. восстание в Веденском округе во главе с молодым чеченцем Алибек-Хаджи Алдановым, провозглашенным имамом. Одним из его ближайших помощников стал вернувшийся из ссылки Умадуй. Повстанцы распускали слухи о слабости оставшихся в регионе русских войск, победах приближавшихся турок. В короткий срок численность повстанческих отрядов достигла 3 тыс. человек (Ковалевский, 1912: 17). Уже через месяц восстание охватило Дагестан. Здесь в восстании приняли участие жители 394 аулов (Магомеддадаев, Амирова, 2010: 20). Против повстанцев действовали регулярные войска численностью 25 тыс. человек при поддержке отрядов казаков и горской милиции.

На сторону восставших перешла часть знати, получившей от российских властей чины и оклады, а тех, кто сохранил верность присяге, безжалостно уничтожали. Однако в ряде сел, например, в Шали, сами жители не пустили к себе восставших. Только осенью регулярные войска нанесли им поражение, а окончательно подавить восстание удалось после сдачи Алданова, повешенного с десятью другими лидерами горцев. Восстание в Чечне и Дагестане 1877 г. напрямую примыкает к событиям Кавказской войны: оно вспыхнуло в районах, в числе последних признавших суверенитет империи Романовых. Тактика восставших, в рядах которых было немало родственников и потомков бывших участников Кавказской войны, напоминала действия имама Шамиля: рейды повстанческих отрядов, превращение крупных поселений в опорные точки сопротивления и др. Расчеты восставших на помощь Турции не оправдались. И этот факт также роднит восстание 1877 г. и борьбу Шамиля, надежды которого на силу османской армии в период Крымской войны оказались тщетными.

Восстание 1877 г. – последняя попытка остановить установление российского имперского суверенитета на Северном Кавказе. Участники восстания пытались копировать государственные структуры имама Шамиля, восстанавливать старые титулы и формы правления, но все это не имело большого успеха. Большая часть сельской администрации и горской милиции осталась верна «белому царю». Возродить имамат и вернуться к временам Кавказской войны оказалось невозможно.

После этого, казалось, на Северном Кавказе наступило продолжительное затишье. Многие считали Кавказ окончательно умиротворенным: «После покорения Кавказа народилось уже новое поколение, чуждое воинственным тревогам прошлого и успешнее, на уроке 1877 г., убедиться, к чему ведут минутные вспышки легкомысленной части населения» (Вайнахи, 2011: 169). Но в конце XIX в. представители местной администрации обращали внимание вышестоящего начальства на тревожные обстоятельства и негативные условия «народной жизни». В частности, отмечался «застой» в развитии горского населения Терской области, условия жизни которого не претерпели значительного изменения. Большинство горцев, исповедовавших ислам, нетерпимо относилось к христианскому населению области. На почве религиозного фанатизма возникала «масса убийств, разбоев и грабежей». Основной причиной такого удручающего положения считалась крайне низкая эффективность местной российской администрации, выполнявшей лишь полицейские функции (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 3). Образовавшимся вакуумом с успехом воспользовалась мусульманская элита, почти полностью подчинившая умы и общественную жизнь местного населения (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 5).

Пока в Петербурге обдумывали возможные преобразования, Кавказ вместе со всей империей устремился к масштабному кризису, вылившемуся в Первую русскую революцию 1905–1907 гг. Как и в других регионах страны, здесь проходили митинги, демонстрации и забастовки (особенно на нефтепромыслах и железных дорогах), но горцы значительно менее участвовали в революционном движении, чем представители других национальностей. Более того, именно из них формировались отряды внутренней стражи в центральных губерниях. Лишь ослабление власти привело к тому, что разбой и грабежи проявились «в размахе, небывалом со времен Турецкой войны» (Вайнахи, 2011: 214).

Начальник Терского областного жандармского управления 29 апреля 1905 г. писал, что «столь трудно доставшийся нам Кавказ – бочка с порохом, которую следует оберегать от искры, хотя бы самого слабого напряжения, достаточной чтобы весь его взорвать» (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 13). Даже во Владикавказе – административном центре Терской области – обстановка была крайне напряженной, на улицах происходили «перестрелки с вооруженными шайками горцев, устраивающих набеги на денежные кассы и склады казенного оружия, о селениях и станциях и говорить нечего: местная хроника положительно переполнена сообщениями о грабежах и убийствах, в которых потерпевшей стороной являются сельские и станичные жители» (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 18–19).

В 1905–1907 гг. такая ситуация была характерна для всего Северного Кавказа. В горных и предгорных районах Терской, Кубанской и Дагестанской областей появились многочисленные банды разбойников-абреков. Порой они контролировали целые районы, устанавливая в условиях дефицита официальной власти и кризиса доверия к институтам российской администрации новый «справедливый» порядок. На примере стихийной канонизации погибших абреков, объявлявшихся святыми (шейхами) (Бобровников, 2002: 82) видно, как империя проигрывала борьбу в идеологической сфере. Причины абречества различались: его могли вызвать наряду с произволом властей и кровная месть, и корыстные мотивы, а среди абреков были и крестьяне, и представители

знати. Это не позволяет согласиться с присущим советской историографии отождествлением абречества с формой классовой борьбы.

Настоящую войну с абреками повел И.И. Воронцов-Дашков, назначенный кавказским наместником в феврале 1905 г. В своем секретном циркуляре от 14 сентября 1908 г., предназначавшемся губернаторам, начальникам областей и отдельных округов Кавказского края, наместник приказывал: «... периодически к 1–15 числам каждого месяца представлять мне через особый отдел Канцелярии наместника подробные сведения о случаях преследования, поимки и уничтожения разбойничьих шаек...» (ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 756. Л. 1). Кроме того, в декабре того же года наместник предписывал главам областей и округов Кавказского края: «Увольнять со службы тех полицейских приставов и начальников участков и входить в установленном порядке с представлениями об увольнении тех уездных начальников, в районе которых разбои принимают хронический характер» (ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 756. Л. 510б.).

Само воссоздание наместничества свидетельствовало о стремлении власти найти более эффективные способы управления регионом. Однако неумелые действия российской администрации, в частности, показательные акции по насильственному разоружению горцев, порой провоцировали их неповиновение (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 39). Ношение оружия мужчинами на Кавказе имело важный символический аспект, выступая в качестве признака свободного человека. Лишение оружия воспринималось горцами как посягательство на их социальный статус. Произвол властей подпитывал недовольство местного населения, а наиболее отчаянные пополняли отряды абреков. Бесконтрольное разоружение горцев спровоцировало столкновение воинских частей с чеченцами на базаре Гамурзиевского селения Веденского округа 14 марта 1909 г. Поэтому в Терской области порядок изъятия оружия был строго регламентирован (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 141).

Несмотря на все усилия, борьба с абречеством приняла затяжной характер. Символом бессилия российской администрации стали смелые действия отрядов, возглавляемых Зелимханом Гушмазукаевым. Самой отчаянной акцией абреков Зелимхана стало ограбление Кизлярского казначейства 27 марта 1910 г., совершенное открыто, при свете дня. Секрет неуловимости Зелимхана был в его народной популярности. Для многих жителей Терской области он был далеко не просто удачливым бандитом, но борцом за справедливость. Иногда его имя связывалось с идеей продолжения борьбы, к которой мусульман Кавказа призывал и долгие годы возглавлял имам Шамиль. Российская агентура даже имела сведения, согласно которым в 1909 г. на съезде старейшин селений Терской и Дагестанской областей Зелимхан был провозглашен святым и великим имамом (Вайнахи, 2011: 251). Кроме того, часто он и его ближайшие сподвижники получали помощь и убежище от шейхов-зикристов (Императорская Россия, 2006: 423). Некоторые исследователи полагают, что самый известный абрек Северного Кавказа прямо «присоединился» к зикристам (Хутарев-Гарнишевский, 2014: 165). С другой стороны, есть свидетельства, указывающие на широкие связи Зелимхана с эмиссарами радикальной младотурецкой национально-патриотической организацией «Итигат», целью которой было создание «Великой Турции» от Средиземноморья до Тихого океана (Вайнахи, 2011: 251). Восстановить контроль над ситуацией в крае И.И. Воронцов-Дашкову удалось только к 1913 г., когда основные лидеры кавказского абречества, включая Зелимхана, были истреблены, а имперские власти расширили социальную базу поддержки проводимой политики.

Едва справившись с абреками, имперская администрация столкнулась с масштабными крестьянскими волнениями. Еще в 1911 г. в ауле Хакуринохабль Кубанской области произошло вооруженное восстание бывших крепостных крестьян против местной знати, получившее название «Мечетской войны», в котором участвовало около 500 человек. Через два года в Кабарде и Балкарии вспыхнули Зольское и Черекское восстания, ставшие наиболее крупными протестными выступлениями на Северном Кавказе в предреволюционный период. Численность участников Зольского восстания составляла от 1 до 12 тыс. человек (Цораев, 1963: 42). Черекское восстание поддержало не более 2 тыс. человек (Цораев, 1963: 52).

Восстания 1913 г. стали результатом многолетнего конфликта частных владельцев и рядовых общинников, механизм формирования которого был заложен еще в ходе «великих реформ» на Северном Кавказе. Новые правила землепользования, вводимые российской администрацией, были воплощением несправедливости и произвола в глазах местного населения. Вожак восставших крестьян Пшемахо Ирижев на предложение сельского судьи решить вопрос в рамках закона ответил: «У нас отняли землю, не спрашивая нас, отнимем и мы» (Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 90). Расследуя события Зольского восстания, власти пришли к оптимистичному выводу, что «причина происшедших беспорядков отнюдь не носила революционного характера...» (ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 58. Л. 19). Но уже через несколько лет падение центральной власти вызвало сильные потрясения в регионе.

Тяготы начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны сказывались и на положении населения Северного Кавказа. Недовольство горцев вызвал императорский указ «О привлечении реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи», подписанный Николаем II 25 июня 1916 г. Указ вызвал многочисленные протесты в «азиатских» провинциях империи. Особенный размах протестное движение приобрело в

Туркестане. Но и на Северном Кавказе горцы выступили против российской администрации с оружием в руках. Наиболее крупные восстания вспыхнули в Хасавюртовском округе и Караногайском приставстве, где число восставших достигало 3–4 тыс. человек (История Северного, 1988: 560). Протесты, прокатившиеся по Кабарде, Балкарии, Чечне и Ингушетии были с трудом локализованы властями при помощи казаков и армейских частей.

5. Заключение

Российской империи так и не удалось превратить Северный Кавказ в простое продолжение внутренних губерний. Кавказская война сформировала у многих горцев взгляд на имперскую администрацию как на враждебную силу. Проведенные реформы, трансформировавшие общественный и экономический уклад края, вызвали массовое недовольство населения. Эти факторы определили всплеск протестного движения в 1860-е гг. Подавленное силой возмущение превратилось в глухой ропот недовольных горцев. Относительное затишье сменилось наиболее масштабным во второй половине XIX столетия вооруженным выступлением – восстанием 1877 г. Жесткие меры, предпринятые империей, вновь лишь на время стабилизировали положение. Ослабление центральной власти, вступление России в начале XX в. в полосу затяжного политического кризиса – расшатали имперский закон и порядок на Кавказе.

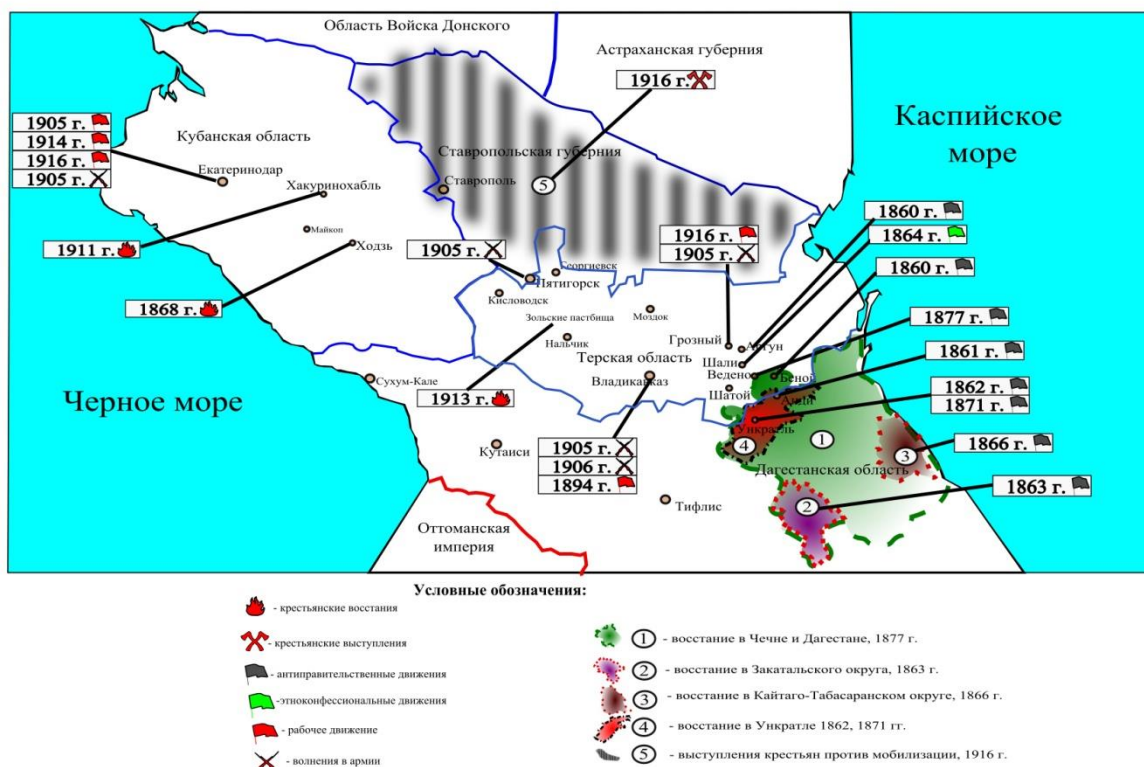

Рис. 1. Протестные движения на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.

Последний кавказский наместник – великий князь Николай Николаевич, сменивший И.И. Воронцова-Дашкова летом 1915 г., докладывая императору о необходимости проведения на Кавказе самых широких реформ во всех областях местной жизни, со смешанным чувством удивления и тревоги писал: «... нельзя не признать, что за истекшие со времени присоединения Кавказа к Русской империи десятилетия было уделено чрезвычайно мало внимания этой богатейшей окраине и проявлялась забота не столько об экономическом и культурном преуспевании, сколько о поддержании в пределах края полицейского порядка и спокойствия» (Кавказ и Российская, 2005: 543).

5. Благодарности

Разделы 1, 4, 5 выполнены в рамках реализации государственного задания по проведению фундаментальных исследований на 2016 г. № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации».

Разделы 2, 3 выполнены в рамках поддержанного РНФ проекта № 14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

Литература

- Архив КБИГИ** – Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.
- Бобровников, 2002** – *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература, 2002. 368 с.
- Ботяков, 2004** – *Ботяков Ю.М.* Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 208 с.
- Вайнахи, 2011** – Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М.: РОССПЭН, 2011. 1094 с.
- Внукова, Челпанова, 2014** – *Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пащенко И.В.* Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 192 с.
- Восстания дагестанцев, 2001** – Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года. Книга 1. Махачкала: Фонд Шамиля, 2001. 279 с.
- Гасанов, 1997** – *Гасанов М.М.* Национально-освободительная и классовая борьба народов Дагестана в 60–70-е годы XIX в. Махачкала: Юпитер, 1997. 312 с.
- Гатагова, 2016** – *Гатагова Л.С.* Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917. М.: Новый хронограф, 2016. 447 с.
- Гриценко, 1972** – *Гриценко Н.П.* Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1972. 278 с.
- Дементьева, 2013** – *Дементьева И.Н.* Изучение протестной активности населения в зарубежной и отечественной науке // Проблемы развития территории. 2013. №4 (66). С. 83–94.
- Императорская Россия, 2006** – Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. Сост. Д.Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. 480 с.
- История Дагестана, 1968** – История Дагестана. Т. II / Под ред. Г.Д. Даниялова, В.Г. Гаджиева. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1968. 372 с.
- История Северного, 1988** – История Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: «Наука», 1988. 659 с.
- Кавказ и Российская, 2005** – Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX–начало XX вв. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. 720 с.
- Кавказ, 1854** – Кавказ, 1854. 21 апреля.
- Клычников, Линец, 2006** – *Клычников Ю.Ю., Линец С.И.* Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск: «Спецпечать», 2006. 211 с.
- Ковалевский, 1912** – *Ковалевский П.И.* Восстание Чечни и Дагестана в 1877–1878 гг. Зелим-хан. СПб.: Типография М.И. Акинфиева, 1912. 98 с.
- Ковалевский, 2012** – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М.: Кучково поле, 2012. 432 с.
- Магомеддадаев, Амирова, 2010** – *Магомеддадаев А.М., Амирова З.М.* Причины и последствия восстания 1877 года в Дагестане в оценке современников и исследователей // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 20–31.
- Матвеев, 2015** – *Матвеев В.А.* Межэтнические конфликты на Северном Кавказе: опыт осмысления и противодействия на рубеже XIX – начала XX вв. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. 150 с.
- Муханов, 2007** – *Муханов В.М.* Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М.: Центрполиграф, 2007. 428 с.
- Северный Кавказ, 2007** – Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
- Тахнаева, 2015** – *Тахнаева П.И.* Наиб Байсангур из Беноя (по страницам биографии) // Кавказский сборник. Т. 9 (41) / Под ред. В.В. Дегоева. М.: НП ИД «Русская панорама», 2015. С. 67–75.
- Услар, 1868** – У[слар] П. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Отд. V. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1868. С. 3–42.
- Хасбулатов, 1963** – *Хасбулатов А.И.* Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 75 с.
- Хлынина и др., 2012** – *Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т.* Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. 272 с.
- Хутарев-Гарнишевский, 2014** – *Хутарев-Гарнишевский В.* Российские спецслужбы, политический исламизм и сепаратизм на Северном Кавказе в начале XX и XXI веков. Историческая компаративистика. Общественно-политический фон // Большой Кавказ двадцать лет спустя: ресурсы и стратегии политики и идентичности. М.: НЛО, 2014. С. 160–182.
- ЦГА КБР** – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.
- Цораев, 1963** – *Цораев М.М.* Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1913 году. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 60 с.

References

- Arhiv KBIGI** – Arhiv Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij [Archive of the Kabardino-Balkar Institute of humanitarian researches].
- Bobrovnikov, 2002** – *Bobrovnikov V.O.* Musul'mane Severnogo Kavkaza: obyčaj, pravo, nasilie. Očerki po istorii i jetnografii prava Nagornogo Dagestana [The Muslims of the North Caucasus: custom, law, violence. Essays on the history and Ethnography of the right of Upland Dagestan]. M.: Vostochnaja literatura, 2002. 368 s.
- Botjakov, 2004** – *Botjakov Ju.M.* Abreki na Kavkaze. Sociokul'turnyj aspekt javlenija [Abreki in the Caucasus. Socio-cultural aspect of the phenomenon]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 208 s.
- Vajnahi, 2011** – Vajnahi i imperskaja vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennej politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.) [Vainakh and Imperial power: the problem of Chechnya and Ingushetia in the internal politics of Russia and the Soviet Union (early XIX to mid XX century)]. M.: ROSSPJeN, 2011. 1094 s.
- Vnukova, Chelpanova, 2014** – *Vnukova L.B., Chelpanova D.D., Pashhenko I.V.* Social'no-politicheskaia naprijazhennost' v polijetnichnom regione [Socio-political tensions in the multiethnic region]. Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2014. 192 s.
- Vosstanija dagestancev, 2001** – Vosstanija dagestancev i chehencev v posleshamilevskuju jepohu i imamat 1877 goda [The rebellion of the Dagestanis and Chechens in postshamil era and the Imamate 1877]. Kniga 1. Mahachkala: Fond Shamilja, 2001. 279 s.
- Gasanov, 1997** – *Gasanov M.M.* Nacional'no-osvoboditel'naja i klassovaja bor'ba narodov Dagestana v 60–70-e gody XIX v [National liberation and the class struggle of the peoples of Dagestan in the 60–70-s of the XIX century]. Mahachkala: Jupiter, 1997. 312 s.
- Gatagova, 2016** – *Gatagova L.S.* Severnyj Kavkaz v jepohu pozdnej imperii: priroda nasilija. 1860–1917 [The North Caucasus in the era of the late Empire: the nature of violence. 1860–1917]. M.: Novyj hronograf, 2016. 447 s.
- Gricenko, 1972** – *Gricenko N.P.* Gorskij aul i kazach'ja stanica Tereka nakanune Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revolucii [Highland village and Cossack stanitsa Terek on the eve of the Great October socialist revolution]. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1972. 278 s.
- Dement'eva, 2013** – *Dement'eva I.N.* Izuchenie protestnoj aktivnosti naselenija v zarubezhnoj i otechestvennoj nauke [Study the protest activity of the population in foreign and domestic science] // Problemy razvitija territorii. 2013. №4 (66). S. 83–94.
- Imperatorskaja Rossija, 2006** – Imperatorskaja Rossija i musul'manskij mir (konec XVIII – nachalo XX v.): Sbornik materialov [Imperial Russia and the Muslim world (end of XVIII – beginning of XX century)]. Sost. D.Ju. Arapov. M.: Natalis, 2006. 480 s.
- Istorija Dagestana, 1968** – Istorija Dagestana [History Of Dagestan]. T. II / Pod red. G.D. Danijalova, V.G. Gadzhieva. M.: Glavnaja redakcija Vostochnoj literatury, 1968. 372 s.
- Istorija Severnogo, 1988** – Istorija Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) [History of the North Caucasus (end of XVIII century – 1917)] / Otv. red. A.L. Narochnickij. M.: «Nauka», 1988. 659 s.
- Kavkaz i Rossijskaja, 2005** – Kavkaz i Rossijskaja imperija: proekty, idei, illuzii i real'nost'. Nachalo XIX–nachalo XX vv [The Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality. The beginning of the XIX–beginning of XX centuries]. SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2005. 720 s.
- Kavkaz, 1854** – Kavkaz [Caucasus], 1854. 21 aprelja.
- Klychnikov, Linec, 2006** – *Klychnikov Ju.Ju., Linec S.I.* Severokavkazskij uzal: osobennosti konflikt'nogo potenciala (istoricheskie očerki) [The North node: features of conflict potential (historical essays)]. Pjatigorsk: «Specpechat'», 2006. 211 s.
- Kovalevskij, 1912** – *Kovalevskij P.I.* Vosstanie Chechni i Dagestana v 1877–1878 gg. Zelim-han [The uprising in Chechnya and Dagestan in 1877–1878. Zelim-khan]. SPb.: Tipografija M.I. Akinfieva, 1912. 98 s.
- Kovalevskij, 2012** – *Kovalevskij M.M.* Zakon i obyčaj na Kavkaze [The law and custom in the Caucasus]. M.: Kuchkovo pole, 2012. 432 s.
- Magomeddadaev, Amirova, 2010** – *Magomeddadaev A.M., Amirova Z.M.* Prichiny i posledstvija vosstanija 1877 goda v Dagestane v ocenke sovremennikov i issledovatelej [Causes and consequences of the revolt of 1877 in Dagestan in the assessment of contemporaries and researchers] // Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2010. № 1. S. 20–31.
- Matveev, 2015** – *Matveev V.A.* Mezhetnicheskie konflikty na Severnom Kavkaze: opyt osmyslenija i protivodejstvija na rubezhe XIX – nachala XX vv [Ethnic conflicts in the North Caucasus: the experience of comprehension and reaction at the turn of XIX – early XX centuries]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2015. 150 s.
- Muhanov, 2007** – *Muhanov V.M.* Pokoritel' Kavkaza knjaz' A.I. Barjatinskij [Conqueror of the Caucasus Prince A. I. Baryatinsky]. M.: Centrpoligraf, 2007. 428 s.
- Severnyj Kavkaz, 2007** – Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii [The North Caucasus in the Russian Empire] / Otv. red. V.O. Bobrovnikov, I.L. Babich. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 s.
- Tahnaeva, 2015** – *Tahnaeva P.I.* Naib Bajsangur iz Benoja (po stranicam biografii) [Naib Baysangur from Bena (page of biography)] // *Kavkazskij sbornik*. T. 9 (41) / Pod red. V.V. Degoeva. M.: NP ID «Russkaja panorama», 2015. S. 67–75.

Uslar, 1868 – U[slar] P. Koe-cto o slovesnyh proizvedenijah gorcev [Something about verbal essays of highlanders] // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Vyp. I. Otd. V. Tiflis: Tipografija Glavnogo upravlenija namestnika kavkazskogo, 1868. S. 3–42.

Hlynina i dr., 2012 – Hlynina T.P., Krinko E.F., Urushadze A.T. Rossijskij Severnyj Kavkaz: istoricheskiy opyt upravlenija i formirovanija granic regiona [Russian North Caucasus: historical experience of management and formation of region borders]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo JuNC RAN, 2012. 272 s.

Hutarev-Garnishevskij, 2014 – Hutarev-Garnishevskij V. Rossijskie specsluzhby, politicheskiy islamizm i separatizm na Severnom Kavkaze v nachale XX i XXI vekov. Istoricheskaja komparativistika. Obshhestvenno-politicheskiy fon [The Russian special services, political Islamism and separatism in the North Caucasus in the beginning of XX and XXI centuries. Historical and comparative studies. The socio-political background] // Bol'shoj Kavkaz dvadcat' let spustja: resursy i strategii politiki i identichnosti. M.: NLO, 2014. S. 160–182.

CGA KBR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Central State Archive of Kabardino-Balkar Republic].

Coraev, 1963 – Coraev M.M. Vosstaniya kabardinskih i balkarskih krest'jan v 1913 godu [The uprising of the Kabardian and Balkar peasants in 1913]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 60 s.

УДК 94 (479)

Протестные движения на Северном Кавказе во второй половине XIX – начало XX вв.: причины, характер, значение

Амиран Тариелович Урушадзе ^a, Евгений Федорович Кринко ^{a, c 1}, Диана Дмитриевна Челпанова ^{a, c}, Алексей Александрович Иосько ^b

^a Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^c Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена протестному движению на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. Работа является первой из планируемого авторами цикла статей о протестном движении на Северном Кавказе на протяжении от второй половины XIX в. до начала XXI столетия. На основе анализа опубликованных и архивных свидетельств выделяются причины восстаний, а также их характер и значение. Корпус архивных материалов составили документы Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики и Архива Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Основными катализаторами протестов на южной окраине Российской империи были инерция Кавказской войны, масштабные административно-правовые новации, непродуманные действия коронных властей. В статье описываются наиболее крупные восстания горцев в указанный период, что позволяет проследить особенности различных этапов протестного движения на Северном Кавказе. Выступления 1860-х гг. стали реакцией традиционных горских социумов на имперскую модернизацию. Возмущение коренного населения вызывал рост налогов, грозивший окончательно расстроить и без того подорванное многолетней войной хозяйство горца. К восстанию горцев толкали широко практиковавшиеся российскими властями принудительные переселения горцев на равнину. Роль запала играли и многочисленные слухи о готовящемся массовом крещении горцев и обращении их в казаков. Но самое важное, что коренное население не доверяло российским административно-правовым институтам, не верило в их справедливость и беспристрастность. Восстание 1877 г. явилось последней попыткой остановить распространение российского суверенитета на Северном Кавказе. Участники восстания пытались копировать государственные структуры имамата Шамиля, восстанавливать старые титулы и формы правления, но все это не имело большого успеха. Предреволюционный период связан с системным политическим и управленческим кризисом в империи и эволюцией абречества, которая привела к появлению феномена «профессионального разбоя» на Кавказе.

Ключевые слова: Социальный протест, абречество, народные восстания, Первая русская революция (1905–1907), Северный Кавказ.

¹ Корреспондирующий автор

E-mail addresses: urushadze85@mail.ru (А.Т. Урушадзе), krinko@ssc-ras.ru (Е.Ф. Кринко), chelpanchic@gmail.com (Д.Д. Челпанова), aleksey.iosko@mail.ru (А.А. Иосько)